

Muriel Spark

THE HOTHOUSE
BY THE EAST RIVER

Мюриэл Спарк

ТЕПЛИЦА
НАД ИСТ-РИВЕР

РОМАН

*Перевод и послесловие
Владимира Скороденко*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2019

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
С 71

ISBN 978-5-7516-1513-0

THE HOTHOUSE BY THE EAST RIVER

© Copyright Administration Ltd, 1973

© В. Скороденко, перевод, 2017

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2019

1

Если б и вправду все было хорошо, что хорошо кончается. Если б и вправду.

Она топает правой ногой.

Говорит:

— Теперь другую. — И садится, чтобы продавец мог приподнять ее левую ногу и аккуратно вставить во вторую туфлю.

— Сидят как влитые, — почтительно говорит продавец, правильно и старательно выговаривая слова, как делают иностранцы.

Теперь она встает и делает несколько шагов к зеркалу, разглядывая на ходу туфли, а затем, повернувшись вполоборота, отражение ноги. В жарком Нью-Йорке — жаркий жаркий июльский день. Потом она разглядывает каблук.

Она смотрит на другие туфли. Три пары стоят у стула, каждая — у своей открытой коробки, поношенная пара валяется рядом. Наконец она переводит взгляд на продавца.

Его взгляд прикован к туфлям.

И вот снова вечер, в комнате ее муж.

Она сидит у окна и разговаривает с ним, ее голос накладывается на мурлыканье кондиционера, но смотрит она в другую сторону, поверх пролива Ист-Ривер, словно муж находится снаружи, за оконной рамой. Он стоит посреди комнаты у нее за спиной и слушает.

— Я выходила за покупками, — говорит она. — Зашла в обувной купить туфли. Ты не поверишь, что было дальше.

— Что же? — спрашивает он.

— Ты мне не поверишь, в этом все дело. Ты и сам думаешь, что не поверишь.

— Откуда мне знать, если ты не говоришь, в чем дело?

— Нет, мне ты поверишь, но только не поверишь, что это и вправду случилось. Что толку рассказывать? Ты сомневаешься во всем, что я говорю.

— Да рассказывай, чего уж там, — говорит он так, словно не испытывает к ее рассказу никакого интереса.

— Поль, — говорит она, — я узнала продавца обувного магазина. В Англии он был военнопленный.

— Какой военнопленный?

— Киль.

— Какой Киль?

— Гельмут Киль. А ты про кого подумал?

— Был еще Клаус, тоже Киль.

— А, убогий кривобокий коротышка, он еще любил читать про балет. Этот?

— Да, Клаус Киль.

— Ну, я не про него говорю, а про Гельмута Киля. Ты прекрасно знаешь, кого я имею в виду, говоря «Киль». Почему ты вдруг вспомнил про Клауса Киля?

Она не оборачивается, она не отводит глаз от Ист-Ривер, думает Поль.

Как-то раз ему показалось, что он ее застукал, подойдя сбоку: она улыбалась островку Уэлфер-Айленд как старому знакомому. Из окна островок представлялся сплошным массивом листвы. Не могла же она разглядеть человека далеко внизу на таком расстоянии.

Может, думает он, она и сейчас улыбается? Улыбается про себя своим тайным забавным мыслям? В конце-то концов, вдруг она вовсе не сумасшедшая, а только извра-

щенная и хитрая? Но это невозможно, думает он, она как ребенок: болтает в этот вечерний час все, что приходит в голову.

Она рассказывает ему все, что приходит ей в голову в этот вечерний час, а уж его дело — дознаваться, правда это или плод ее воображения. Но сознательно ли она выбирает такой образ действий или не может иначе? Где ложь, где правда?

Правда, что прошлой зимой он, похоже, застучал ее: она подавила улыбку при взгляде на алую рекламу пепси-колы на том берегу пролива. Сейчас ему вспоминается выражение «показать язык», разница между переносным и прямым значениями фразы путает его мысли: что будет, если Эльза, обратившись лицом к проливу, и впрямь высунет язык, чего она, понятно, не сделает?

И Поль, все еще стоящий на середине ковра, переводит взгляд на ее тень. Он видит, что тень ложится на тюлеву занавеску, а не на пол в сторону Вест-Сайда, где ей следовало лежать в согласии с положением заходящего солнца в окне «фонаря» за спиной у Эльзы. В который раз он видит, как ее тень противоестественно ложится в обратную сторону. Он этого ожидал, но все равно отворачивается от этого зрелища.

— Поль, — говорит она, по-прежнему глядя на пролив, — сходи принеси нам выпить.

Их сын Пьер навестил их вечером накануне. И он сказал Полю, когда они привычно задержались в прихожей обсудить проблему матери:

— Она не такая дура.

— Значит, я дурак, что трачу деньги на Гарвена.

— Без Гарвена ей не обойтись, — возразил он с угрозой, повысив голос, чтобы пресечь поднимающее голову сопротивление.

Гарвен Бей — ее врач-психоаналитик. Пьер стремится не допустить, чтобы мать вернули в больницу: это нарушит его душевный покой. Больше того, Пьер знает о том, что не отцовские деньги столь щедро идут на Гарвена, а всего лишь поверхностные отложения, тонкая пыльца с огромного состояния матери.

Накануне вечером Поль спросил сына, когда тот уходил:

— Как, по-твоему, она нынче выглядит?

— Хорошо. Есть, конечно, какая-то неуловимая странность...

Поль быстро распрощался, едва ли не радуясь тому, что сын все еще не заметил конкретной причины этой странности.